

В КАЖДОЙ РОЛИ ИНЫМ...

НА ОБЫЧНОМ синем-сером конверте адрес: «Москва. Герою Советского Союза Кольцову Павлу Андреевичу». А вездесущие московские почтальоны сверху наклеили уточняющую бумажку: «Пл. Свердлова, д. 1/6. Малый театр, артисту Ю. Соломину».

Юрий Соломин внимательно читает строки этого письма, адресованные созданному им герою. Девочка Надя из далекого украинского села пишет ему, «адъютанту его превосходительства», советскому разведчику Кольцову. Рассказывает о себе, о том, что она отлично учится в пятом классе, а ее сестра Ира — во втором. Что мама работает продавцом, а папа — трактористом. И в свою очередь хочет побольше узнать о человеке, которого так зауважала, посмотрев фильм по телевизору...

Пишут детишки и взрослые, пишут письма объемистые, очень подробные, и коротенькие, в несколько строк. Земляк-сибиряк сначала обстоятельно разбирает его работу в кино, а потом, перейдя на «ты», заявляет: «Скажу по-байкальски: ты, паря, просто молодчина!».

Улыбаясь, Юрий Соломин выдвигает ящик своего гримерного стола и пытается вложить в него еще одну стопку писем. Вложить — не то слово: всунуть, еле-еле впахнуть. Впрочем, не беда, что некуда складывать сотни писем зрителей к артисту, создавшему образ отважного чекиста. Беда, что нет возможности всем ответить.

Юрий и не подозревал, как велика сила этой музыки, еще не имеющей по молодости лет имени, — музыки Телевидения. Миллионы людей, глядя у себя дома на экран, в одно и то же время сопереживали всему тому, что волновало, что происходило с храбрым разведчиком Кольцовым в тылу врага. Кончалась на самом интересном месте одна серия

— и в каждой квартире, в каждом доме в городах, поселках, деревнях, в самых различных уголках страны зрители с нетерпением ждали продолжения.

Крылатую фразу «...и проснулся знаменитым...» вполне можно отнести и к нему, Юрию, после выхода телефильма на экраны. Что ж, ему очень хотелось сделать своего находчивого и бесстрашного героя как можно более человечным, углубить его слегка схематичный, что присуще почти всякому детективу, характер, выверить психологическую линию поведения, — словом, привнести в этот образ как можно больше жизненности, индивидуальности. И если удалось это сделать, — радостно, конечно, радостно. И Государственная премия имени братьев Васильевых, присужденная создателям фильма, — это ли не высокая награда!

И все же... Каждый актер, если он привык задумываться над своим творчеством, не может не быть требовательным к себе. Иначе — останешься! Вот почему сейчас, когда пришла известность, еще больше думаешь о таких вовсе не отвлеченных проблемах, как твои возможности, твое мастерство, твое будущее...

РЫВКОМ приоткрыв дверь, помреж деловито напоминает: — Юрий Мефодиевич, даю третий звонок, начинаем спектакль!

Сейчас он выйдет на сцену, сядет за свой штатный рабочий столик, возьмет в руки молоток, непочиненную туплю и «один на один» со зрительным залом начнет рассказ о том, как он, сапожник Пеппино, любит веселую, задорную, самую прелестную из всех девушек на свете Лолу, как всякий на нее обращает внимание, — «Разве Лолла виновата, что она такая красивая?!». С истинно итальянским темпераментом жестикулируя и пожимая плечами, он поведает зрителям не только о любимой, но и о том, кто, когда и как... украл консула.

Четыреста с лишним раз идет на сцене Малого театра комедийный спектакль «Украл консула» по пьесе Георгия Мдивани, и не сосчитать, сколько раз играет он, Юрий, острохарактерную роль юного бедняка из квартала бедняков, экспансивного, доброго, порой наивного, а порой и мудрого. Вместе со своими соседями по двору он помогает студентам, укравшим испанского консула в знак протеста против смертного приговора борцам за свободу Испании.

ВОЗВРАЩАЯСЬ после спектакля домой, Юрий, оставив вместе с костюмом Пеппино его думы и заботы, погружается в свои мысли. Мерно покачиваясь в такт движения вагона метро, уйдя подбородком в поднятый воротник плаща, продолжает он думать о том, что составляет существо возможностей актера в кино и в театре.

В фильме «Адъютант его превосходительства» он, Юрий Соломин, вместе с режиссером Евгением Ташковым искал, как создать образ разведчика-революционера, ради своего дела перевоплотившегося в белогвардейского офицера. Гладко причесанный, на все пуговицы застегнутый, Кольцов лишь momentarily позволяет себе отбросить маску лощеного офицера и стать простым, человеческим, добрым. Все ли, что мог, сделал он, актер, в этой роли? Фильм снят, образ раз и навсегда запечатлен на киноплёнке, и уже ничего нельзя изменить, как-то переначить.

А на сцене тот же Пеппино каждый раз, из спектакля в спектакль, ведет себя чуть-чуть иначе. То найдет какой-то по-особому точный, поистине итальянский, жест кистью руки, то слегка изменит интонацию — и новая деталь по-новому высветляет характер. Вот они, возможности, которые приносит театр...

И уж так случилось, что не на киноэкране, а на сцене узнал он радость со-

прикосновения с драматургией поистине великой. Шесть лет назад народный артист СССР Игорь Владимирович Ильинский предложил Юрию роль Хлестакова в «Ревизоре».

Оттолкнувшись от фразы «Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека...», Соломин играет не просто эталонного легкомысленного вертопраха «без царя в голове», но человека себе на уме, логичного во всех своих поступках, нахально берущего взятку за взяткой: мол, чего же не брать, раз дают! И все это на фоне полосатых будок по краям авансцены, смены караула, четко печатающего шаг, зловещих отзвуков барабанной дробы — царская Россия, жандармский век, в котором и впрямь, как говорит Гоголь в своем эпиграфе к «Ревизору», «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Вот уже сколько лет играет спектакль, а все — переполненный зал. Зал, который ты, главный герой, держишь в напряжении, и он вслед за тобой смеется над тупостью, подхалимством, чванством, — всем тем, что тебе так ненавистно...

Но тут, прервав размышления своего героя, автор позволяет себе отступление... Как порой мало, неполно используется тонкий, неуловимый дар, который мы называем талантом! И ведь речь не об одном Юрии Соломине, заслуженном артисте РСФСР, который, несмотря на молодость, не первый год ведет серьезную педагогическую работу в Театральном училище имени Щепкина, но на сцене своего театра играет всего-навсего... в двух спектаклях. В двух! А ведь актер в расцвете творческих сил. Тревожит, что почти то же самое можно сказать о многих коллегах Соломина по искусству. Как тут не вспомнить слова Иннокентия Михайловича Смоктуновского, который, будучи в зените своей славы, вскоре после обошедшего все экраны мира «Гамлета» сказал автору

этих строк: «Сейчас предлагают много ролей, и есть среди них прекрасные — а это ли не счастье для актера! Однако... Сколько несозданных образов пропало для меня навсегда! Пропало потому, что годы ушли...».

Вот и думаешь с горечью об этих годах, которые безвозвратно уходят, когда актер талантлив, а ролей нет — чтобы нет — просто их не предлагают...

НОГДА он, Юрий, сразу со школьной скамьи попал в Театральное училище имени Щепкина на курс народной артистки СССР Веры Николаевны Пашенной, эта актриса, человек огромного таланта, говорила: «Театр для вас теперь — это все. Вся жизнь».

Не раз бывало так: если на репетиции, все объяснив, Пашенная все-таки начинает показывать, проигрывать кусок роли за кого-то, значит, дело плохо, роль не получается. Но уж как она показывала!

Однажды на 4-м курсе готовили чеховскую «Чайку», где Юрий играл Треплева. Идет репетиция. Вера Николаевна смотрит молча, внимательно, никаких особых указаний не делает. Только вдруг говорит исполнительнице роли Нины Заречной:

— Все хорошо. Но глаза не излучают.

Грустно, медленно встает очень пожилая, часто болеющая женщина. Поднимается на сцену, начинает читать монолог Заречной. Читает? Нет, чтением это не назовешь. Играть? И так, пожалуй, не скажешь. А только, глядя в лицо актрисы, ставшей на несколько минут его партнершей, Юрий не мог отвести от нее взгляда. Тут-то он и увидел: ее глаза, чуть выцветшие от прожитых лет, они ведь поистине излучали!

Когда вот так, рядом с большими артистами, проходит твоя студенческая юность, естественно, заражаешься их приверженностью театру. Их влюбленностью в сцену, в запахи кулис, таинственную темноту зрительного зала, из глубины которого, как чуткое эхо в горах, приходят отраженными твои, актера, чувства и переживания.

Конечно, жизнь в театре — далеко не гладкое поле, усеянное цветами. Бывает трудно. Даже очень. Но кто сказал, что любишь лишь то, что легко дается? Скорее, наоборот. Зато радость актерского творчества — она ведь дорого стоит.

А еще в его жизнь все больше и все настойчивее входит кино с его бесконечным количеством дублей, неуловимым холодом натуральных съемок, обжигающей жарой юпитеров в павильонах: кино, которое ведь тоже любишь, но порой клянешь и с которым уже не в силах расстаться...

Когда артист «не в силах расстаться» с кино, а кино предлагает ему одну, другую, пятую роль, и все они «на одно лицо», а точнее, не имеют ни своего лица, ни характера, что тут делать? Отказываться? Но каждый раз мучает мысль: а вдруг именно на этот раз, наперекор логике, — удача! Ведь бывает и так, кто этого не знает! И вот уже пройдены актерские пробы, позади много-много съемочных дней, тонировка, пер-

вые рабочие просмотры. Фильм вышел, а надежда на удачу так и осталась надеждой...

Так что же, прав артист или нет, когда берет с плеч не за все, но за многое из того, что ему предлагают? Не лучше ли отказываться от заведомого «середняка»? Трудный вопрос. И разве возможен категорический ответ на него?

РОЛЬ Кольцова в фильме «Адъютант его превосходительства» сыграна. Сыграна и еще одна, правда, слегка похожая и не столь богатая оттенками — майор Головкин в фильме «Инспектор уголовного розыска». Пришла популярность, которая, как известно, приносит и неожиданное.

Летит Юрий Соломин в Москву из Читы, со съемок в фильме «Даурия». В читинском аэропорту подвернул ногу. За девять часов полета нога распухла, болит. Прилетели. Как надо добраться до стоянки такси. По пути подходит милиционер, всматривается в лицо, козыряет: «Здравствуйте, разрешите помочь». Интонация такая, будто хорошо знакомы. Взял из рук чемодан, раздобыл такси, помог сесть.

— Все в порядке, товарищ майор! Шучу, конечно. Будьте здоровы, товарищ артист!

Вот так-то. Шутки шутками, а съемки в кино, работа в театре, преподавание в театральном училище — все это заполняет дни до отказа. Что же в будущем? Кого предстоит ему играть? Кем станет он, Юрий Соломин, в следующем спектакле, следующем фильме?

Только что сыграна в фильме «Даурия» роль кузнеца Семена Нагорного. Закончены съемки в трехсерийном фильме «Моя жизнь», в котором он играет доктора Благово, военного врача, типично чеховского героя. Есть предложения сниматься еще в нескольких картинах, в частности, в «Начальнике уголовного розыска» — другой фильм, но главные действующие лица те же, что в «Инспекторе уголовного розыска».

Предстоят и новые работы в театре. Надо надеяться, многое впереди.

А только очень это полезно — думать о будущем, оглядываться назад. Думать. Сравнивать. Искать. Обязательно искать...

Конечно, радует, когда успех не кружит голову артисту, когда внезапное «испытание славой» не мешает, наоборот, заставляет всерьез задуматься о своем творчестве. Беспокоит другое. Та самая установившаяся в кино практика «типажа», когда из раза в раз эксплуатируется в актере однажды удачно найденное. Когда нет потребности разобраться в природе актерского таланта и, как в последнее время мы видим на примере Юрия Соломина, разными режиссерами штампуются двойники адъютанта Кольцова с красивым интеллигентным лицом, задумчивыми глазами и благородными мыслями. А ведь артист Соломин, судя по его студенческим работам, по сегодняшним ролям в театре, может быть совсем иным, в каждой роли иным!

Е. КАБАЛКИНА.